методика китайского ученого Хэ Чуаньци, который разработал систему индексов, позволяющих оценить стадию и конкретный этап модернизации в 131 стране мира, а также материалы социокультурных портретов регионов. Использование этой методики выявило большое многообразие регионов России по уровню модернизации. Регионы не только находятся на разных уровнях первичной и вторичной модернизации, но и располагают разными социальными ресурсами для перехода на следующий уровень. Это требует разработки для каждого региона своей стратегии модернизации, учитывающей интересы разных социальных групп, особенно молодежи – наиболее подвижной части общества, которая покидает регион, если не видит в нем для себя перспективы. Можно сказать, что сегодня снижение качества культурного капитала создает реальные риски для слабо и среднеразвитых регионов, которые могут закрепить за собой место аутсайдеров в будущем модернизационном развитии страны.

*Л.А. БЕЛЯЕВА,
руководитель проекта*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

Л.А. БЕЛЯЕВА

Сложность решения проблем модернизации России обусловлена беспрецедентным многообразием регионов страны: разными уровнями экономического и социального развития, разным качеством местных элит, человеческим потенциалом, самочувствием населения, его готовностью принять участие в преобразованиях и наличием для этого соответствующих общественных условий и ресурсов.

Россия это страна регионов, поэтому знать Россию, а тем более ее модернизировать можно, лишь если имеешь представление о жизни в регионах, а не только в столичных агломерациях. При таком многообразии в каждом регионе необходима своя стратегия модернизации, максимально учитывающая особенности региона, и не только его экономический потенциал, но и его социокультурные особенности и ресурсы. Знать эти характеристики только по данным статистических исследований, довольно усредненных и не всегда достоверных, практически невозможно, поскольку в них не учитываются многие параметры жизни и настроения жителей, отношения социальных групп и слоев, которые составляют со-

циальное пространство региона. Такую информацию могут дать специальные социологические исследования: как в форме опросов населения, так и в форме опросов экспертов, фокус-группы, психологических исследований. Словом, подготовка стратегии модернизации — это комплексная задача, которая должна опираться на знание социокультурных проблем региона, на их анализ с привлечением статистики по региону и информации, полученной специальными научными методами.

В 2005 г. Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН начал осуществлять программу «Социокультурные портреты регионов», в которой к настоящему времени участвует 25 регионов страны — от Красноярского края до Смоленской области и от Карелии до Чечни. Особенность программы состоит в том, что в ее рамках была разработана Типовая методика, включающая опрос населения по единой анкете, сбор статистической информации о жизни в регионе по единой методике, опрос экспертов. Для получения сопоставимых результатов авторам портретов (а это в основном работники кафедр социологии, политологии, культурологии и других смежных дисциплин вузов) были предложены методики анализа собранной информации при их полной авторской свободе в анализе и интерпретации полученных материалов. Характерно, что во многих регионах эти исследования приобрели сейчас мониторинговый характер, результаты их востребованы местными органами власти (хотя, по понятным причинам, и встречаются некоторыми чиновниками с неприязнью). Кроме практического применения исследования спровоцировали активность научной работы на кафедрах, были созданы стимулы для изучения регионов и получен исследовательский материал для подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Результатом работы над «портретами регионов» стали опубликованные статьи, монографии, изданные в регионах, и обобщающая монография, увидевшая свет в Москве под грифом Института философии РАН¹. Нужно сказать, что идея разработать методику для исследования регионов родилась не на пустом месте, она опирается на общероссийский мониторинг, который с 1990 г. проводит ЦИСИ Института философии РАН. Последняя, шестая волна мониторинга была проведена в 2010 г.² Важно то, что существует методически корректная сопоставимость данных всероссийского опроса и опросов в регионах, что позволяет рассматривать региональные проблемы на широком общероссийском фоне и в сравнении с другими регионами России.

Исследования, выполненные в регионах, и всероссийский мониторинг позволяют довольно подробно описать состояние социальной структуры взрослого населения России и регионов,

социальное самочувствие и отношение населения к общественным институтам, оценить качество жизни различных социальных слоев и высветить некоторые общие и региональные проблемы, стоящие перед страной, пытающейся осуществить модернизацию. Было бы иллюзией считать, что модернизация может проводиться независимо от социокультурных и структурных особенностей общества. Для ее осуществления необходим и благоприятный инвестиционный климат (в начале 2012 г. для власти было удивительно, что страна находится во второй сотне государств по привлекательности для бизнеса), и открытость населения инновациям, и наличие подготовленных кадров, и безопасная среда для проживания, и поддерживающая, невраждебная среда для жизни в обществе активных, незаурядных, целеустремленных людей, способных стать мотором модернизации.

Модернизация в современной России – это, по сути, самовестернизация, которая осуществляется для достижения внутренних целей развития, в том числе для преодоления технологического отставания от западной цивилизации и сохранения государственной независимости³. Для того, чтобы такая стратегия модернизации была успешной, она должна захватывать как можно более широкие слои населения, не замыкаясь только на узком слое людей, развивающих современные технологии. Благоприятный социальный фон для осуществления модернизации остро необходим. Нельзя исключать из развития те слои населения, которые не могут активно участвовать в информационной и технологической модернизации по аналогии с развитыми странами Запада, тем более что экономика России вновь стоит перед проблемой завершения индустриального этапа модернизации, но уже на современной технологической базе.

Обратимся сначала к социально-структурным процессам. Они, а не только ценностное сознание населения, во многом определяют возможности проведения модернизации. Социальная структура модернизируемого региона, уровень образования населения, его возрастной состав – это тот базис, на который можно опереться при решении задач модернизации. Если в регионе нет или мало подготовленных кадров, существует миграция образованной части населения в другие регионы, регион не привлекателен для образованной молодежи как место постоянного жительства, то и модернизация здесь не будет иметь внутренних стимулов, которые порождаются ожиданиями и надеждами людей, подготовленных к модернизации.

Остановлюсь на трех, на мой взгляд, узловых проблемах, обусловивших современное состояние социальной дифференциации в России. На протяжении всех бурных 90-х годов XX в. шли большие

изменения в структуризации общества. Во-первых, осуществлялся переход от преимущественно этакратического типа социальной структуры, где положение группы определяется местом во властной иерархии, и в этом смысле структура была одномерной, к новому типу, где действует множество факторов и критериев, в том числе региональных. Среди этих факторов властный ресурс имеет доминирующее, но не единственное воздействие на социальную дифференциацию, особенно в средних слоях общества. Во-вторых, к настоящему времени структура общества стабилизировалась, противоречивые процессы приватизации 90-х гг. в основном закончились, произошла кристаллизация основных социальных групп и слоев. В-третьих, по сравнению с советским периодом изменился масштаб неравенства, значительно выросли социальные дистанции между слоями и группами, их стиль жизни стал настолько несопоставимым, что впору говорить об олигархическом, буржуазном, мещанском, интеллигентском, эмигрантском, маргинальном, нищенском и т.д. стилях жизни. Стиль жизни рождается в контексте и в практиках конкретного социального поля, в которое включен индивид, оно доминирует, действует как надындивидуальное в формировании линии поведения и потребления индивида или группы. В-четвертых, устранение государства от регулирования уровней развития регионов привело к возрастанию диспропорций в их экономическом и социальном развитии и, следовательно, к регионализации самой структуры населения страны.

Крайним выражением этих изменений является наличие таких регионов, в которых доля населения с застойной бедностью выше, чем в среднем по России. К таким категориям жителей относятся, как правило, те, у которых доход ниже величины прожиточного минимума. В целом по России в 2010 г. 12,6% населения имело такой доход, и в большинстве своем (более 60%) это были люди, занятые в экономике. В каждом из федеральных округов имеются регионы со значительным превышением этих печальных среднероссийских показателей. Так, в Центральном ФО это Ивановская область – 20,5%, в Северо-Западном ФО – Вологодская область – 17%, в Южном ФО – республика Калмыкия – 37,3%, в Северо-Кавказском ФО – республика Ингушетия – 22,2%, в Приволжском ФО – республика Мари Эл – 24,6 %, в Уральском ФО – Курганская область – 16,8%, в Сибирском ФО – республика Тыва – 30,0, в Дальневосточном ФО – Амурская область – 29,4%⁴. Если же сравнивать не только данные статистики, но и мнение самого населения о своем уровне жизни, то можно заключить, что численность бедного населения за первое десятилетие XXI в. стабилизировалось на уровне одной трети взрослого населения страны,

а вместе с теми, кто относит себя к необеспеченным, численность составляет 50%.

Эти данные мониторинга вполне сопоставимы с результатами, полученными в Европейском социальном исследовании, согласно которому в 2010 г. по мнению 55% россиян жить на получаемый ими доход было трудно или очень трудно. Только в трех странах — Украине, Греции и Болгарии доля такого населения составляет больше, чем в России. Но следует отметить некоторую положительную тенденцию: по данным международного опроса в России в 2010 г. по сравнению с 2008 г. плохо обеспеченное население сократилось на 7%. Соответственно до 45% увеличилась численность тех, кто считает свой доход достаточным для жизни или живет вообще без материальных затруднений. Для сравнения, в Европе есть много стран, в которых в 2010 г. до 70 — 90% жителей оценивают свой доход как вполне достаточный для жизни.

Более поздние данные пока отсутствуют, и нельзя определить влияние последнего кризиса на оценки населением России своего уровня жизни, но положительная тенденция в конце десятилетия проявила себя достаточно четко, хотя доля плохо обеспеченных людей остается в России очень значительной, особенно на фоне большинства стран западной Европы. Характерной особенностью материальной дифференциации является ее углубление: коэффициент Джини⁵ в 2000 г. составлял по России 0,395, а в 2010 г. вырос до 0,421, коэффициент фондов (соотношение доходов 20-ти процентных групп с наибольшими и с наименьшими доходами) увеличился за этот же период с 13,9 до 16,5. В отдельных региональных значениях этих коэффициентов существенно отличаются от среднероссийских: они выше в более развитых регионах и ниже в регионах с низким уровнем развития. Так, в Москве в 2010 г. коэффициент Джини составлял 0,505, коэффициент фондов 28,2; в Тюменской области соответственно 0,447 и 20,1, в Санкт-Петербурге 0,445 и 19,8. Минимальные значения коэффициента Джини и коэффициента фондов были в Ивановской области — 0,356 и 10,4; во Владимирской области — 0,361 и 10,8; в Алтайском крае — 0,362 и 10,9 соответственно.

Углубление материальной дифференциации в реальной жизни означает, что богатые богатеют более быстрыми темпами, чем растет уровень жизни остального населения. Динамика 2000 — 2010 гг. показывает, что объем доходов трех наименее оплачиваемых 20-ти процентных групп населения сокращается, тогда как четвертая и пятая доходные группы все более концентрируют в своих руках доходы. В 2000 г. две эти группы получали 68,7% всех доходов, а в 2010 г. уже 70,2%, в том числе 47,7% сконцентрировано верхней, наиболее доходной группе⁶. Замечу, что по глубине материального

расслоения Россия приближается к США, намного опережая страны Европы, особенно страны, находящиеся на информационной стадии развития.

Одновременно с относительной стабилизацией (весьма неблагоприятной) материальных слоев в России, за последние 20 лет произошло формирование довольно устойчивой иерархии социальных слоев. В упомянутой выше Типовой методике социальные слои выделялись по ряду признаков, включающих материальный уровень жизни, образование, наличие управленческих функций. Оказалось, что социальная стратификация регионов существенно различается. В тех из них, где наиболее развито производство, весомую часть занятого населения занимают слои руководителей и бизнесменов, а также высокооплачиваемые специалисты. Например, в нефтегазовых регионах эти три слоя составляют 51% занятого населения. Для сравнения – в республике Чувашия к этим группам можно отнести только 34%. Остальные группы в любом из исследованных регионов располагают меньшими ресурсами: у них значительно ниже уровень образования, нет властных функций и, как результат, их доходы существенно ниже. Показательно, что и такой ресурс, как молодой и средний возраст, в этих группах на самом деле не является ресурсом: среди них много людей предпенсионного и пенсионного возраста.

Состояние социальной стратификации населения оказывает влияние на расширение или, наоборот, сокращение возможностей модернизации региона, поскольку характеризует качественные параметры населения, с одной стороны, а с другой – мотивирует наиболее образованных и молодых людей к перемещению в центры модернизации – столицы и крупные города. Сейчас регионы с сокращенным рынком труда для образованных специалистов постоянно теряют наиболее активную часть своего населения.

Отличительная особенность всех регионов России – наличие значительной доли занятых, которые имеют среднюю или низкую квалификацию (на уровне среднего специального образования или ниже) и заняты исполнительским трудом, как правило, физическим. Эти слои вышли из индустриальной России и обладают соответствующим ресурсом, который не отвечает задачам модернизации, основанной на экономике знаний. Да и для отраслей современного индустриального типа, основанного на электронике, квалификация этих работников требует безусловного повышения, если они, конечно, не деградировали как личности с потерей места работы во время разрушения производств.

Анализ уровней материальной дифференциации и социальной стратификации позволяет заключить, что они приобрели опасный характер и создают риски для социального пространства России.

Для развития страны необходимо осуществить модернизацию во всех регионах и в каждом из них отдельно, опираясь на те ресурсы, которые в них имеются. В каждом регионе есть свои предпосылки модернизации, но только такой, которая соответствует достигнутому там уровню развития. Показательны те предельно разные возможности модернизации, которые анализируются в трех публикуемых ниже статьях — о социокультурных аспектах модернизации в Вологодской области, об особенностях идентификационных процессов в условиях модернизации в республике Карелия и о социокультурной специфике модернизации постконфликтного региона — республики Чечня.

Как уже указывалось, анализ уровня модернизованности конкретных регионов в этих статьях был проведен с использованием методики, разработанной в Китайской академии наук под руководством директора Института модернизации Китая, профессора Хэ Чуаньци⁷. В ней рассматриваются две стадии модернизации: первичная — как переход от аграрной цивилизации к индустриальной и вторичная — как переход от индустриальной цивилизации к информационной. Первичная модернизация измеряется набором из 10 индикаторов, которые характеризуют экономическую (4 индикатора) и социальную (4 индикатора) сферы общества, а также область знаний (2 индикатора). В качестве базового уровня первичной модернизации, с которым сравниваются регионы, приняты показатели наиболее развитых стран мира к началу 60-х гг. прошлого века. В первичной модернизации фиксируется пять стадий: от традиционного общества до переходной фазы, когда общество готово к развитию по постиндустриальному пути.

Вторичная модернизация измеряется по 16 индикаторам, представляющим следующие области: инновации в знаниях (3 индикатора), передача знаний (4 индикатора), качество жизни (5 индикаторов), качество экономики (4 индикатора). Базовый уровень индикаторов основан на среднем значении для развитых стран за последний год. Вторичная модернизация фиксируется по четырем фазам: от подготовительной до фазы расцвета. Кроме того, китайские ученые разработали такой набор индикаторов, который характеризует взаимодействие первичной и вторичной модернизаций, назвав эту модернизацию интегрированной. Она включает 12 индикаторов экономического, социального и когнитивного развития, пересекающихся с индикаторами первичной и вторичной модернизаций. Все индикаторы — статистические и представлены в международных сборниках.

В соответствии с этой методикой 131 страна мира может быть разделена на несколько групп по уровню модернизации. В 2006 г. 20 стран мира, или 15%, составляли группу наиболее «развитых»,

демонстрирующих высокий уровень вторичной модернизации и полностью завершивших первичную. Из 25 стран «среднего развития» большинство также завершили первичную модернизацию и находились на средней фазе вторичной модернизации. В числе этих стран находится и Россия, занимающая в этой группе позицию между Латвией и Кувейтом, но первичная модернизация в нашей стране завершена не полностью, думается, по причине деиндустриализации в последние два десятилетия. Это дает основание считать, что России предстоит завершить первичную модернизацию, одновременно развивая вторичную. По мнению китайских исследователей, следующая группа из 37 стран – «предварительно развитых» – в большинстве не завершила первичную модернизацию и осуществляет одновременно два вида модернизации. Наконец, в последней группе – 49-ти «отстающих» стран – ни одна страна не завершила первичную модернизацию и находится на самой низкой стадии вторичной модернизации.

Эта методика дает возможность сравнивать по уровню модернизации не только страны мира, но и отдельные регионы между собой и с зарубежными государствами. Так, общероссийский уровень модернизации существенно отличается от уровня, которого достигли отдельные регионы. В соответствии с данными Н.И. Лапина, которые он приводит в своей статье⁸, Москва, Санкт-Петербург, Московская и Новгородская области к настоящему времени находятся на высоком уровне вторичной модернизации, приближаясь по ее показателям к развитым странам мира. Небольшую часть регионов, например, Калужскую, Владимирскую, Ярославскую области ЦФО, в 2010 г. можно было отнести к среднему уровню развития по вторичной модернизации. Подавляющее же большинство регионов России имеют низкие показатели вторичной модернизации и фактически находятся только на начальных ее этапах. Такое положение имеет место в Вологодской области и в республике Карелия, статьи о которых публикуются ниже. В них индексы первичной модернизации растут за последние 10 лет медленнее, чем в среднем по России. Это же относится и ко вторичной модернизации, которая также отстает в этих регионах от общероссийского тренда. Интегрированная модернизация этих регионов также оказывается ниже общероссийского уровня. Но важно учитывать, что средний уровень по России во многом определяется показателями модернизованности Москвы и Санкт-Петербурга, которые являются центрами развития экономики знаний. Если же исключить из общероссийских данных эти два региона, то близость показателей двух названных выше регионов к общероссийским становится заметной.

Для стран такого уровня развития как Россия характерна концентрация интеллектуальных ресурсов в столицах и крупных городах. Эта тенденция закрепляется и такими процессами как создание в них новых инновационных центров, концентрация финансовых ресурсов. Потоки образованных, молодых и активных людей от периферии к центру усугубляют оскудение человеческого потенциала в регионах и консервируют такие особенности удаленных территорий, которые не соответствуют тенденциям модернизации. Именно поэтому важно оценивать социокультурные параметры региона и его районов, чтобы разрабатывать стратегии модернизации, соответствующие сложившимся социально-экономическим укладам, человеческому потенциалу, ментальным характеристикам, поведенческим стереотипам.

Уже подготовленные и опубликованные «социальные портреты» свидетельствуют о значительном разнообразии регионов и публикуемые ниже статьи наглядно показывают, как регионы различаются между собой — не только по природным и экономическим параметрам, но и по социокультурным особенностям. Кстати, и в самих регионах есть четкое разделение на центр и периферию, и в свою очередь наблюдаются центростремительные перемещения активного населения.

Помимо географической периферии существует и периферия экономическая, когда в районе, расположенном недалеко от регионального центра, складывается сельскохозяйственная или смешанная специализация, сопровождающаяся депопуляцией, низким уровнем образования, невысокими показателями качества жизни, оттоком населения, особенно молодежи, традиционным типом поведения⁹.

Одной из центральных проблем модернизации страны является формирование среднего класса. Средний класс — это единственная массовая группа работающего населения, которая может активно участвовать в этом процессе. В соответствии с Типовой методикой средний класс выделяется по совокупности нескольких критериев: уровню образования, материальному положению и самоидентификации. В 2010 г. численность среднего класса составила 24% взрослого населения страны. Надо сказать, что средний класс очень чувствителен к экономической ситуации в стране, к проводимому экономическому курсу. Его рост прекращается, когда наступает кризис или экономика стагнирует, не развивается малый и средний бизнес, не создаются квалифицированные рабочие места. Именно это происходит сейчас в России. Более-менее динамичное увеличение численности среднего класса, начавшееся с середины 90-х гг. прошлого века сейчас прекратилось. В 2010 г. рост среднего класса составил по сравнению с 2006 г. только 2%,

тогда как за предшествующий 4-х летний период (2002 – 2006) прирост составлял 8% и 13% по сравнению с 1998 г. Стагнация численности среднего класса в последние годы свидетельствует об исчерпанности резервов роста в том русле развития, в котором двигалась Россия.

В составе среднего класса подавляющее большинство – 3/4 – составляют наиболее активные возрастные группы – старше 25 и моложе 55 лет. Представитель среднего класса – преимущественно городской житель. В составе жителей Москвы средний класс составляет 45%, в крупных городах – 31%, в средних, малых городах и на селе 24, 25 и 13% соответственно. Это соответствует роли крупных городов как центров модернизации и свидетельствует о все большей деградации периферии.

Следует подчеркнуть, что как объективные признаки среднего класса, так и его субъективные характеристики отличают его от остального общества и характеризуют его как наиболее активную, образованную, адаптированную к современному этапу преобразований часть общества. Средний класс чутко реагирует на закрытие каналов социальной мобильности не только для себя, но и для остальной части населения, он наиболее критично относится к проводимой экономической и социальной политике и, как показали протестные выступления в Москве, способен высказать свое отношение к политическим процессам в стране.

Средний класс как никакая другая социальная группа чувствует на себе влияние социального окружения, поскольку живет в непосредственном соприкосновении с местным социумом, осознает себя его частью, но по уровню образования, менталитету, своим поведенческим стереотипам выделяется из общей массы. Особенно это проявляется в депрессивных регионах, регионах с неразвитым рынком труда, безработицей и со сложной криминогенной обстановкой. Характерно, что дети представителей среднего класса в большей мере склонны к эмиграции, чем дети представителей других слоев, и многие реально осуществляют такие намерения. Не последнюю роль в этом играет напряженность в социальном пространстве региона и страны в целом. Этому есть объективные предпосылки, такие как резкая материальная дифференциация, порождающая несопоставимое качество жизни разных материальных слоев, неудовлетворенность действиями органов власти и правопорядка, недостаточная защищенность как физическая, так и незащищенность прав и свобод.

Для успешного проведения модернизации важно постепенно исключать из социального пространства страны риски и напряженности, создавать в обществе атмосферу доверия и согласия. Социальная уверенность, удовлетворенность жизнью и наличие

перспектив служат необходимым социальным фоном для роста среднего класса и его укоренения в стране.

Чтобы оценить социальный фон и обозначить некоторые зоны напряженности мною было проведено сравнение настроений населения России и населения 26 стран, участвовавших Европейском социальном исследовании (ESS). Это сравнение показало, что в России один из самых низких уровней доверия к судебной-правовой системе, очень низкий уровень доверия полиции (второе место снизу, на первом месте по недоверию полиции – Украина), вообще широко распространено недоверие к окружающим людям. По всем этим показателям Россия занимает место в последней пятерке стран, участвовавших в исследовании.

Следует отметить, что во всех без исключения странах Европы у жителей, как и у жителей России, в большей или меньшей степени наблюдается тревожность, опасение за свою безопасность и сохранность своего имущества. Но при этом в большинстве стран, особенно в Западной Европе, жители высоко оценивают работу полиции, отмечают ее уважительное обращение с людьми. В России же только 17% опрошенных оценили работу полиции как очень хорошую и хорошую и 25% как плохую и очень плохую, 52% оценили ее средне. Уважительное обращение полиции с людьми отметили в России 32% опрошенных, что в 2 – 3 раза меньше, чем в странах Западной Европы. Отношение к институтам правопорядка – это один из маркеров тревожности и напряженности в обществе, причем на разных территориях уровень этой тревожности весьма существенно различается.

Есть все основания говорить о том, что процессы последних 20 лет оказали значительное воздействие на социальную идентификацию индивидов в России. Идентификация относится к сложным социально-психологическим феноменам и представляет собой соотнесение индивидом себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как «свои», по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и сказать «мы»¹⁰. Процессы самоидентификации в России идут в направлении снижения «масштаба» общностей, с которыми отождествляют себя индивиды. По данным ESS максимальная близость у жителей страны с людьми одного и того же поколения (95%), с людьми той же профессии (89%), с людьми той же национальности или с людьми того же достатка (по 83%). Идентификация с жителями региона значительно ниже – 74%, но самый низкий уровень идентификации из предложенных к оценке общностей – это близость с гражданами России: ее отметили только 65%, при этом 26% полностью ее отрицают.

Можно сказать, что процессы социальной и материальной дифференциации и индивидуализации, произошедшие в последние

десятилетия изменили акценты идентификации, оказалась практически разрушена идеологическая конструкция типа «новая историческая общность – советский народ» и на смену ей не утвердился идеологический посыл считать Россию единым домом. Для таких изменений есть много причин, анализировать которые здесь не место, но необходимо подчеркнуть, что во многих регионах России, особенно окраинных и периферийных возросла идентификация с местом проживания, непосредственным окружением – не только с семьей, но и с жителями своего поселка, деревни, города. Активизировалась традиционная связь с территориально близкими людьми, с которыми переживаются общие трудности и проблемы. Отношение к «малой родине» составляет важный компонент традиционного сознания, а утрата традиционных элементов идентичности, еще сохранившихся в некоторых регионах, чревата обеднением культурного многообразия страны. Эта проблема рассматривается ниже в статье В. Пивоева.

Борьба за модернизацию (по аналогии с войной за просвещение в городе Глупове Салтыкова-Щедрина) не должна устранить культурное многообразие России, стереть «лица необщее выраженье» с карты России. И это еще одна социокультурная проблема модернизации страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Academia, 2009.

² Руководителем общероссийского мониторинга и проекта по регионам является Н.И. Лапин.

³ См.: *Гавров С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит. – М.: МГУДТ, 2010.

⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011. – М., 2011. – С. 135, 137, 150 – 152.

⁵ Коэффициент Джини показывает степень отклонения фактического объема распределения доходов населения от линии их равномерного распределения.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. – М., 2011. – С. 162 – 163.

⁷ См.: Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / под ред. Хэ Чуаньци / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь Мир, 2011.

⁸ См.: *Лапин Н.И.* Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // СОЦИС. 2012 (В печати).

⁹ См.: Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты. – Вологда: ИСЭРТ, 2012.

¹⁰ См.: Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 2003. – С. 338.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые социокультурные аспекты модернизации регионов России, что обусловлено беспрецедентным их многообразием. Разработка стратегий модернизации региона должна учитывать не только эко-

номические характеристики, но и настроение его жителей, потенциал участия в преобразованиях, культурный капитал, отношения социальных групп, составляющих социальное пространство региона. Важным условием модернизации является формирование среднего класса, чье укоренение в структуре общества зависит от благоприятного социального фона и снижения напряженности социального пространства.

Ключевые слова: социокультурные аспекты модернизации, модернизация, регион, социальное пространство, средний класс, идентификация.

Summary

The article considers some social and cultural aspects of the modernization of Russian regions as the regions being outstandingly diverse. The new strategies of the regional modernization are to consider not only the region's economic features but also the moods of its inhabitants, their potential to participate in reforms, their cultural capitals and the relations of the social groups constituting the regional social space. The establishment of the middle class is an important prerequisite for the modernization, and this establishment in the social structure depends on the favorable social background and the lowering of the social space tension.

Keywords: social and cultural aspects of modernization, modernization, region, social space, middle class, identification.